

Шоу-бизнес — место грязное и запутанное. Здесь может случиться всё что угодно, даже то, что у обычного человека просто в голове не укладывается.

Например... групповуха на четверых.

Само это словосочетание будто сошло со страниц дешёвого пошлого романа. Случись подобное в реальной жизни — и участники тут же превратились бы в изгоев, а обыватели смаковали бы пикантные подробности неделями. Но в индустрии развлечений... Если уж «тройнички» давно никого не удивляют, то чего ждать от четверых?

То ли кто-то намеренно раздувал скандал, то ли изголодавшиеся по сплетням пользователи сети окончательно потеряли стыд, но волна сетевого безумия стремительно потащила в самый эпицентр этой нелепой драмы Нин Цзянь — человека, который вообще не имел к ней никакого отношения. Абсурдные нападки сыпались со всех сторон, наводняя просторы Вейбо и просачиваясь даже в комментарии под его личными публикациями.

Собственно, его аккаунт давно зарос быльем. С тех самых пор, как он покинул шоу-бизнес, там не появлялось ни строчки, пока совсем недавно Нин Цзянь не вошел в сеть, чтобы объявить о своем официальном возвращении. Прежний владелец тела слишком долго оставался в тени. Из близких людей у него, пожалуй, остался один лишь менеджер Се Цзянь. Старые связи за два года молчания окончательно истончились, а бывшая дружба сошла на нет.

— Дело принимает скверный оборот, — предупредил Се Цзянь по телефону. — За этим явно кто-то стоит. Если сейчас полезешь на рожон, тебя просто размажет. В самом эпицентре бури любые оправдания прозвучат жалко, никто и слушать не станет. Но и молчать опасно. Когда всё уляжется, клеймо прилипнет намертво, и отмыть репутацию уже не получится. Так что думай сам.

Се Цзянь хоть и числился агентом Нин Цзяня, полноценным менеджером не был — скорее, вел его дела на полставки. Тем не менее ситуацию он разложил по полочкам. Сейчас перед Нин Цзянем лежали две дороги.

Первая — затаиться. Выдержать первую волну, а потом не спеша докопаться до истины. Путь долгий, извилистый, зато экономный. Вторая — нанести упреждающий удар. Но тут нужны железные доказательства того, что между ним и Лю Даньдань ничего не было. А еще — кругленькая сумма, чтобы нанять пиарщиков, выкупить рекламные интеграции и договориться со СМИ. Только лавина официальных опровержений могла перебить ту грязь, что сейчас лилась на Нин Цзяня.

То, что парня так глубоко втянули в эту заваруху, нельзя было списать на одно лишь праздное любопытство толпы. За кулисами явно орудовал умелый кукловод, не пожалевший сил и средств. Ниточки могли вести либо к самой Лю Даньдань, либо к тому самому киноактеру, который тоже оказался замешан в скандале, но пока ухитрился оставаться в тени.

Се Цзянь ждал ответа, втайне надеясь, что тот выберет второй вариант. Тогда можно будет

сразу подключить ресурсы компании и официально закрыть этот вопрос. Однако Нин Цзань ответил так, что надежды менеджера рухнули.

— Почему?

— Сейчас мне просто не до этого. Да и ситуация, по-моему, не настолько критична, как ты малюешь, — лениво отозвался Нин Цзань.

— Слишком уж ты размяк... — негромко вздохнул Се Цзян.

Он ловил себя на мысли, что отцовство изменило парня до неузнаваемости. Тот прежний Нин Цзань, которого он помнил, из кожи бы вон вылез, но заставил бы клеветников харкать кровью.

— Папа... — Нин Лэлэ оторвался от горы игрушек и забавно сморщил носик. — Папа, как вкусненько пахнет!

— Ой, неужели голубь пригорел?! — спохватился Нин Цзань.

Отбросив телефон в сторону, он сломя голову помчался на кухню.

Птица томила на огне, но вода в кастрюле почти полностью выкипела. Он наспех плеснул туда свежей воды и поплотнее прижал крышку.

Лэлэ притопал следом и, вцепившись в край отцовской домашней футболки, приподнялся на цыпочках:

— Папа, пахнет просто объедение!

— Еще бы! Это же мой фирменный тушено-жареный голубенок, — гордо заявил Нин Цзань. Он подхватил малыша на руки и с самым уверенным видом приподнял крышку. — Ну как, пахнет?

— Очень вкусно! — закивал Лэлэ. — А что такое «тушено-жареный голубенок»?

— Это когда мясо нежное, как в супе, но с пикантным ароматом корочки. Сейчас водичка снова закипит, и мы забросим туда грибы шиитаке и тофу. Пальчики оближешь!

Нин Цзань был в превосходном расположении духа.

Лэлэ, преданный обожатель отцовских кулинарных талантов, вовсю закивал и зажмурился от удовольствия:

— Да! Пахнет здорово! Будет очень вкусно. Папа у меня самый-самый лучший!

— Сам от себя в восторге, — не поскромничал Нин Цзань.

— Не-а, Лэлэ тоже хочет быть самым лучшим! — Малыш дернул отца за рукав и уставился на него снизу вверх умоляющим взглядом.

Нин Цзань сдался без боя. Он прижал сына к себе и потерся кончиком носа о его щеку:

— Ладно-ладно, Лэлэ тоже умница. Самый лучший сыночек на свете.

— И папа самый лучший! Папочка супер-пупер хороший, самый замечательный папа во всей вселенной... — Лэлэ радостно заерзал, обнимая его за шею, и, кажется, вошел во вкус, потому что поток комплиментов было уже не остановить.

Нин Цзань строил притворно-мученическую мину, хотя в душе так и таял от нежности.

— Ну всё, всё, вода закипела. Что теперь добавляем?

— Грибочки!

— Так, а дальше?

— Древесные ушки!

— Отлично, отправляем в кастрюлю.

— И тофу! Большие-большие кусочки! Побольше тофу! — К нежному соевому творогу у Лэлэ была особая, трепетная любовь.

— Слушаюсь. Будет тебе гора тофу.

Два горе-кулинара на удивление легко находили общий язык на кухне. Даже глядя на полуобугленного, чудом спасенного голубя, они умудрялись видеть в нем шедевр высокой кухни и радовались процессу как дети.

На мгновение Нин Цзаню показалось, будто он упустил какую-то важную деталь, но сын тут же переключил всё его внимание на себя, и мимолетная мысль растаяла без следа.

Тем временем безжалостно забытый Се Цзян стоял на том конце провода в глубоком недоумении.

Подумать только: посреди разговора о грязных сплетнях, грозящих похоронить карьеру, главный виновник торжества внезапно бросает трубку и убегает обсуждать с ребенком тонкости приготовления птицы. Которую он к тому же умудрился сжечь! Ну и дела.

— Брат Се, у тебя всё нормально? — раздался рядом голос коллеги.

— Да, пустяки, — вздохнул Се Цзян.

Он с обреченным видом нажал на отбой. Слушать дальше кулинарные дебаты отца и сына не было никаких сил — всё равно пользы от этого никакой.

— Слушай, Брат Се, а правда, что Нин Цзань вернулся в агентство? — поинтересовался коллега, который явно краем глаза почитывал сплетни в сети.

Се Цзян покачал головой:

— Формально его контракт всё еще у нас, но не более. Парень два года был вне игры, совсем отстал от жизни.

— Ну да. Иначе с чего бы ему связываться с этой Лю Даньдань? Теперь поди отмойся. Неважно, утка это или нет, дегтем его знатно измазали. Тут разве что чудо поможет — например, если всплывет улика, что они столкнулись в том лифте абсолютно случайно.

Собеседник ляпнул не подумав, но Се Цзяня будто током ударило. Он хлопнул себя по лбу:

— Точно! Какая же я дубина! Всё ведь лежало на поверхности, как я сразу не сообразил?!

Не тратя времени на лишние объяснения, он схватился за телефон, открыл приложение и от имени официального агента Нин Цзяня набросал пост.

[Се Цзян — менеджер V]:

«Совсем забыл поделиться новостями! После возвращения Нин Цзяня его делами по-прежнему буду заниматься я. Едва уговорил этого упрямца вернуться под крыло агентства, так что, дорогие фанаты, ведите себя прилично, не спугните нашего Цзань-цзяня! Фото с нашей успешной встречи в здании ХХ в тот день.»

К посту прилагалось совместное селфи. Изначально это был снимок втроем, но Се Цзян из

соображений конфиденциальности предусмотрительно обрезал ту часть, где улыбался маленький Лэлэ, оставив в кадре только себя и Нин Цзяня.

Се Цзян намеренно указал точное время и место съемки. Любой мало-мальски внимательный пользователь мог сопоставить факты и понять: это фото было сделано в тот же день и в том же здании, где Нин Цзянь случайно попал на камеру вместе с Лю Даньдань.

Раз даты сошлись, выходило, что появление Нин Цзяня в деловом центре не имело никакого отношения к тайному свиданию с Лю Даньдань — он просто приехал на встречу со своим агентом.

По сути, Нин Цзянь пострадал без вины виноватый: его имя приплели исключительно ради того, чтобы увести удар от главных виновников торжества. Любая шумиха вокруг его персоны ослабляла хватку прессы на горле двух других фигурантов скандала.

За два года забвения старая фан-база Нин Цзяня практически прекратила свое существование. Защитить его было некому, и в случае скандала он становился легкой мишенью для травли — именно на это и рассчитывали кукловоды.

Пост Се Цзяня немного разбавил общий поток негатива, но без должного продвижения и пиара его публикация быстро затерялась в бескрайней ленте новостей.

Всё изменилось, когда сам Нин Цзянь соизволил выйти на связь и опубликовать новый пост.

[Нин Цзянь V]:

«Приготовили сегодня с сыном тушено-жареного голубенка. Получилось объедение!» [Фото]

Под громким кулинарным изыском скрывалось варево из тофу, шиитаке и древесных грибов, посреди которого сиротливо возвышался голубь с отчетливо обуглившимися краями.

Истинный кулинарный шедевр должен ласкать взгляд и обоняние. Но этот суп не спасли бы даже хваленые фильтры. Впрочем, Нин Цзянь ухитрился выложить снимок в первозданном виде — без всякой ретуши, во всей его неказистой красе.

Вкуснятина?

— «Ребят, у меня одного со зрением проблемы?»

— «Добро пожаловать в клуб досрочно ослепших тридцатилетних!»

— «Проснись, дядя из девяностых, миллениалы уже всю седеют!»

— «Если после тарелки этого супа у меня пройдет близорукость, я признаю тебя богом кулинарии»

— «Кстати, если смотреть на фото без очков, выглядит даже съедобно»

— «Я вообще мимо проходил, но промолчать не могу. Назвать вот это углище "тушено-жареным шедевром" — это надо иметь титановую наглость. Как можно сжечь суп?! Руки из плеч, однозначно. У меня аж желудок сжался от сочувствия...»

— «Ребята выше, прекратите писать комментарии с одесским акцентом, я их вслух читаю!»

— «Эм-м-м, народ, а никого не смутило слово "сын"? Он про человеческого ребенка или про четвероногого?»

— «Сын или песель... Звучит как-то двусмысленно»

— «Да ладно вам, собакен — тоже член семьи!»

— «Нин Цзаню всего двадцать два. Откуда у него человеческий ребенок? Головой подумайте»

— «Вот-вот, пушистый сынишка — это мило. И если суп варился под чутким присмотром хаски, то обгорелые края вполне объяснимы»

От нечего делать Нин Цзань полистал ветку обсуждений. Обнаружив, что откровенного хейта на удивление мало, он не на шутку развеселился.

Спустя пару минут в его профиле появилось короткое видео.

[Нин Цзань V]:

«Самый что ни на есть настоящий сын» [Видео]

На кадрах, снятых на камеру телефона, был запечатлен Лэлэ. Нин Цзань предусмотрительно не стал показывать лицо малыша, оставив в объективе лишь пухлые ручки и забавную фигурку в домашнем костюмчике.

— Лэлэ, поздоровайся с дядями, тетями, братиками и сестричками.

— Поздо-о-оваться? Я? Всем привет?

Нин Цзань тихонько рассмеялся и принялся терпеливо подсказывать сыну:

— Повторяй за мной: «Дорогие тети, дяди, сестрички и братики, здравствуйте!»

— Повто-о-ряй за мной...

— Нет, фразу «повторяй за мной» говорить не надо.

— Не надо?

— Не надо, глупышка. Давай еще раз: «Дорогие тети, дяди, сестрички и братики, здравствуйте!»

— Тети и сестрички, здравствуйте!

—... А как же дяди и братики? Давай по новой.

Лэлэ смешно склонил голову набок, усердно копаясь в своей детской памяти, но в итоге выдал лишь половину:

— Сестрички, здравствуйте!

—... Эх, ладно, сойдет и так.

В самом конце видео Лэлэ, явно обрадовавшись, что экзекуция камерой окончена, шумно выдохнул:

— Папа, я хочу тофу...

— Держи голубятную ножку, она вкусная.

— Папа тоже кушай.

— Ну как, вкусно?

—... Не жуется.

<http://bllate.org/book/19617/2038253>